

5.6.5.

ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ,
МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ (ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ)
HISTORIOGRAPHY, SOURCE STUDIES, AND METHODS OF HISTORICAL RESEARCH

К дискуссии о причинах русской революции и уровне жизни в конце XIX – начале XX века

©Сергей Александрович Нефедов

Институт истории и археологии УрО РАН, г. Екатеринбург, Российская Федерация
e-mail: hist1@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена дискуссии между «пессимистами» и «оптимистами» о причинах русской революции 1917–1922 гг. «Пессимисты» традиционно полагают, что главной причиной революции был низкий уровень жизни народных масс. «Оптимисты» утверждают, что экономика Российской империи быстро прогрессировала, а уровень потребления постепенно повышался. Очередным этапом в этой дискуссии стала изданная в 2019 г. книга Б. Н. Миронова «Российская модернизация и революция». В новой книге Б. Н. Миронов утверждает, что развитие России в конце XIX — начале XX в. было «экономическим чудом» и приводит 12 признаков этого «экономического чуда». В 2022 г. журнал «Социологическая история» провел «круглый стол» по книге Миронова и в том же номере опубликовал ответы автора на прозвучавшие критические высказывания. Статья посвящена анализу этой критики и ответов автора книги. Показано, что аргументация Миронова в значительной части основана на использовании недостоверных данных урожайной статистики и ошибочном истолковании результатов антропометрических измерений.

Ключевые слова: Россия, конец XIX – начало XX века, причины русской революции, темпы экономического развития, дискуссия «оптимистов» и «пессимистов», уровень жизни, уровень потребления, антропометрические данные

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Нефедов С. А. К дискуссии о причинах русской революции и уровне жизни в конце XIX – начале XX века // *История и современное мировоззрение*. 2022. Т. 4. №3. С. 51–58.

Towards a Discussion about the Causes of the Russian Revolution and the Standard of Living in the Late 19th and Early 20th Centuries

©Sergey A. Nefedov

Institute of History and Archeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Yekaterinburg, Russian Federation
e-mail: hist1@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the discussion between «pessimists» and «optimists» about the causes of the Russian revolution of 1917–1922. «Pessimists» traditionally believe that the main reason for the revolution was the low standard of living of the masses. «Optimists» argue that the economy of the Russian Empire progressed rapidly, and the level of consumption gradually increased. The next stage in this discussion was the book by B. N. Mironov «Russian Modernization and Revolution» published in 2019. In the new book, B.N. Mironov declares the development of Russia an «economic miracle» and cites 12 signs of this «miracle». In 2022, the Sociological History magazine held a round table discussion on Mironov's book and published the author's responses to critical statements made in the same issue. The article is devoted to the analysis of this criticism and the answers of the author of the book. It is shown that Mironov's argumentation is largely based on the use of unreliable yield statistics and an erroneous interpretation of the results of anthropometric measurements.

Key words: Russia, late 19th – early 20th century, causes of the Russian revolution, rates of economic development, discussion of «optimists» and «pessimists», standard of living, consumption level, anthropometric data.

FOR CITATION: Nefedov S. A. Towards a Discussion about the Causes of the Russian Revolution and the Standard of Living in the Late 19th and Early 20th Centuries // *HISTORY AND MODERN PERSPECTIVES*. 2022. Vol. 4. №3. P. 51–58. (in Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Вопрос о причинах русской революции — это тема давней дискуссии отечественных и зарубежных историков. В ходе этой дискуссии в историографии постепенно сложились «оптимистическое» и «пессимистическое» направления. «Пессимисты» считали причиной революции тяжелое экономическое положение, низкий уровень жизни народных масс. Дореволюционная российская историография признавала ухудшение экономического положения крестьянства. «Тезис о систематическом понижении уровня жизни крестьян... — отмечает Б. Н. Мironov, — получил поддержку у всех авторитетных исследователей конца XIX — начала XX в.: И. И. Игнатович, А. А. Кауфмана, П. И. Лященко, Н. М. Покровского, Н. Н. Рожкова, А. Финн-Енотаевского и других, включая, конечно, В. И. Ленина, что отразила энциклопедия Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона» [Мironov, 2010: 30–31]. Западная историография поначалу также разделяла эту позицию, однако в 1970-х гг. в США сформировалась группа историков, придерживавшихся иной, «оптимистической» точки зрения на экономическое развитие Российской империи. Эти историки (наиболее известным из них был П. Грегори) в своих работах пытались доказать, что российская экономика быстро развивалась, что уровень потребления народных масс постепенно увеличивался.

На рубеже XX — XXI в. сторонники «оптимистического» направления появились и в России, их признанным лидером стал Б. Н. Мironov. Книги Мironova издавались большими тиражами, он стал наиболее цитируемым историком в России и был удостоен премии им. В. О. Ключевского. Однако выводы Мironova не получили единодушного одобрения историков, они породили новую дискуссию «оптимистов» и «пессимистов», в рамках которой были опубликованы десятки статей [см.: Камынин, Запарий, 2019: 85–88]. Эта дискуссия была продолжена в рамках обсуждения последней книги Б. Н. Мironova «Российская модернизация и революция» [Мironov, 2019]. В этой книге Мironov пытается доказать, что российская модернизация была столь успешной, что ее можно назвать «настоящим экономическим чудом» и, что «главное чудо состояло в том, что при высоких темпах роста экономики и населения происходило существенное повышение уровня жизни» [Мironov, 2019: 17–18].

ДИСКУССИЯ ВОКРУГ НОВОЙ КНИГИ Б. Н. МИРОНОВА

В марте 2022 г. в журнале «Социологические исследования» были опубликованы результаты обсуждения книги Б. Н. Мironova на «круглом столе», в котором приняли участие доктор исторических наук С. А. Нефедов и доктора философских наук Н. С. Розов и Д. В. Трубицын [Нефедов и др., 2022]. В этом же номере были опубликованы ответы Б. Н. Мironova на критику со стороны некоторых участников «круглого стола» [Мironov, 2022]. Данная публикация посвящена анализу ответов Б. Н. Мironova на мои возражения по поводу важнейших положений этой книги.

Итак, каковы аргументы Мironova в пользу его утверждения об «экономическом чуде»?

«На втором этапе имперской модернизации можно говорить о прорыве в развитии, в результате которого произошло настоящее экономическое чудо, — пишет Б. Н. Мironov. — С 1861 по 1913 г. темпы экономического развития стали сопоставимы с европейскими. Национальный доход за 52 года увеличился почти в 4 раза (в 3,8 раза). И это несмотря на огромный естественный прирост — население империи увеличивалось

почти на 2 млн ежегодно. С 1880-х гг. темпы экономического роста стали выше не только средневропейских, но и «среднезападных»: валовой национальный доход увеличивался на 3,3% ежегодно. Наибольшие успехи наблюдались в промышленности. С 1881 по 1913 г. доля России в мировом промышленном производстве возросла с 3 до 5 с лишним процентов. Однако и сельское хозяйство прогрессировало средневропейскими темпами. Россия в конце XIX — начале XX в. являлась одной из наиболее динамично развивавшихся держав мира [Грегори, 2003: 61–62]» [Мironov, 2019: 17–18].

Эта тема продолжается и в ответах на критику [Мironov, 2022: 41]: «Как известно, основой благосостояния страны является валовой внутренний продукт (ВВП). Существует несколько оценок его динамики в России в 1885–1913 гг. Все они свидетельствуют о его значительном росте в абсолютном и душевом измерении. Расхождения касаются темпов роста ВВП. Согласно самому основательному исследованию П. Грегори, в 1860–1913 гг. средний годовой прирост ВВП составил 2,5%, душевой — около 1%, в 1885–1913 гг. — до 2%» [Грегори, 2003: 245].

Мironov ссылается на известную монографию П. Грегори, но ни на с. 61–62, ни на с. 245 приводимых им цифр нет. Впрочем, на с. 22 действительно утверждается, что «национальный доход Российской империи к 1913 г. вырос в 3,84 раза по сравнению с 1861 г.» и дается ссылка на статью Грегори [Gregory, 1972]. Но в этой статье также нет утверждения о росте ВВП в 3,84 раза. Поэтому, оставляя этот вопрос в стороне, рассмотрим материалы, которыми пользовался Грегори для своих оценок. Важнейшим исходным материалом является производство зерновых в начале 1860-х гг. Можно только гадать, из какого источника брал Грегори урожайные сведения, но вот что писал в 1866 г. директор Центрального статистического комитета П. П. Семенов: «Сообразно с первоначальным своим планом, мы работали для «Временника» эти сведения за несколько лет, но, после тщательной критической их оценки, не решились их обнародовать, не находя в них гарантий даже и приблизительной точности... все наши цифры об урожаях хлеба сводятся на совершенно гадательные предположения...»¹. Таким образом, расчеты Грегори в данном случае опираются на «совершенно гадательные предположения».

Ссылаясь на Грегори (хотя и столь некорректным способом), Мironov приводит также цифры роста ВВП в 1881 (или 1885) г. по 1913 г. Однако в составленных сотрудниками ЦСК материалах известной «Комиссии 1901 года» отмечалось, что фиксируемое официальными источниками повышение урожаев в 1890-х гг. представляется сомнительным. «Более вероятным объяснением отмеченного явления служит, по-видимому, большее совершенство сведений о сборе хлебов в последнем десятилетии сравнительно с предшествующим временем, когда статистика урожаев находилась в настолько неупорядоченном состоянии, что сведения о сборе хлебов страдали крайней недостоверностью»².

Это прямое указание компетентных специалистов на то, что собираемые и обрабатываемые ими урожайные данные и в 1880-х гг. «страдали крайней недостоверностью». Поэтому в 1893 г. была предпринята реформа сбора и обработки урожайных данных. Известный специалист по урожайной статистике, Д. И. Иванцов, утверждал, что реформа привела не только

¹ Статистический временник Российской империи. Сер. 1. Вып. 1. СПб., 1866.: XXXIII

² Материалы высочайше учрежденной 16 ноября 1901 г. Комиссии по исследованию вопроса о движении с 1861 г. по 1900 г. благосостояния сельского населения средние земледельческих губерний, сравнительно с другими местностями Европейской России. Ч. 1–3. СПб., 1903. Ч. 3. 281 с. С. 198

к их более полному учету посевных площадей, но и к формальному росту урожайности: «В личной беседе с одним из самых видных деятелей Центрального Комитета нам удалось установить, что одновременно с этой реформой в собирании посевных данных произошло (для нас не совсем ясное) изменение и в технике учета их в самом Комитете, благодаря чему подесятинные сборы «несомненно поднялись» (выделено Иванцовым — С. Н.) в общем «не менее как на 10%»» [Иванцов, 1915. С. 75].

Изменение методов исчисления урожаев привело к появлению скачка в используемых Грегори урожайных данных ЦСК. На рис. 1 приведен график среднего пятилетнего урожая пшеницы и ячменя, построенный по данным Грегори [Грегори, 2003: С. 126–128]. (График для ржи построить не удалось, так как в соответствующих данных Грегори имеется опечатка, а данные по овсу в книге Грегори отсутствуют.)

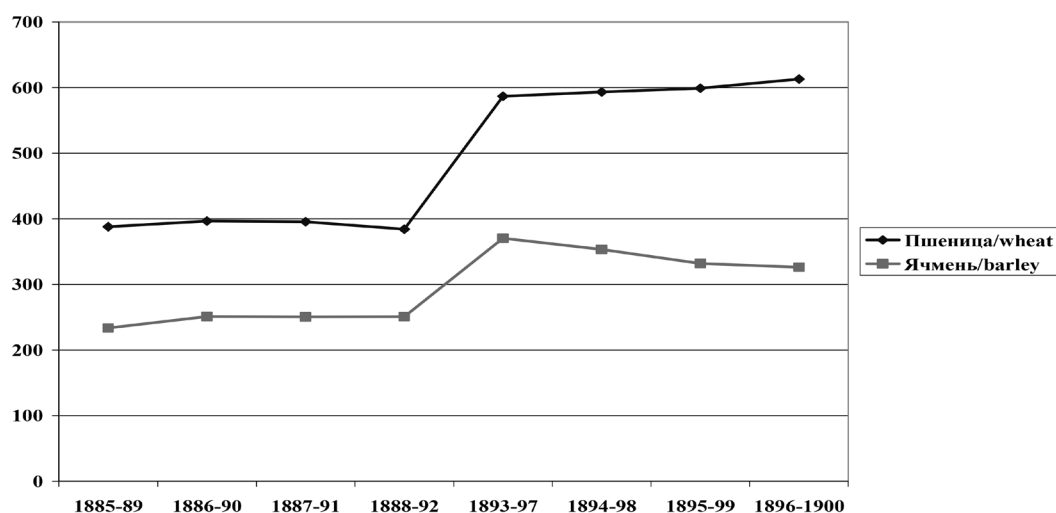

Рис. 1. Средний пятилетний валовый сбор по данным П. Грегори (млн. пуд).

Fig. 1. Average five-year gross harvest according to P. Gregory (million poods).

Источник: Грегори П. Экономический рост Российской империи (конец XIX – начало XX в.): Новые подсчеты и оценки. М., 2003. С. 126–128.
Source: Gregory P. Economic Growth of the Russian Empire (late 19th – early XX century): New calculations and estimates. M., 2003. Pp. 126–128.

Из приведенных графиков видно, что до и после 1893 г. средние урожаи менялись незначительно. Но после изменения системы учета в 1893 г. они резко повысились. Средний урожай пшеницы в 1893–1897 гг. был на 53% больше, чем в 1888–189 гт., а урожай ячменя — на 48%. Могут возразить, что здесь сказался большой неурожай 1891 г., но из графика видно, что он лишь незначительно повлиял на средние пятилетние сборы.

Таким образом, после реформы урожайной статистики в 1893 г. сборы пшеницы и ячменя формально «повысились» в полтора раза. Это доказывает, что используемые Грегори для сравнения с данными 1913 г. данные 1880-х гг. были дефектными. Как утверждали, обрабатывавшие эти данные статистики ЦСК, они «страдали крайней недостоверностью».

В итоге, подсчитанный Грегори прирост ВВП в 1885–1913 гг. также «страдает крайней недостоверностью».

12 ПРИЗНАКОВ «ЭКОНОМИЧЕСКОГО ЧУДА»

Однако Миронов продолжает: «Но главное чудо состояло в том, что при высоких темпах роста экономики и населения происходило существенное повышение уровня жизни. Укажу на 12 важнейших признаков, доказывающих этот процесс в пореформенный период. (1) Увеличение с 1850-х по 1911–1913 гг. реальной поденной платы сельскохозяйственного рабочего в 3,8 раза, промышленных рабочих — в 1,4 раза». (2) Повышение с 1885 по 1913 г. производства потребительских товаров и оборота внутренней торговли на душу населения в постоянных ценах — в 1,7 раза... (3) Увеличение между 1886–1890 и 1911–1913 гг. количества

зерна, оставляемого крестьянами для собственного потребления, на 34%. (4) Уменьшение числа рабочих дней в году у крестьян со 135 в 1850-е гг. до 107 в 1902 г... (5) Массовая скупка земли крестьянами. За 1862–1910 гг. крестьяне купили 24,5 млн. дес. земли, заплатив за нее огромные деньги — 971 млн. руб. ... (6) Увеличение вкладов россиян в государственных сберегательных кассах... (7) Существенное и систематическое увеличение конечной (т. е. при достижении полной физической зрелости) длины тела мужчин за 1791–1915 гг. на 7,7 см (с 161,3 до 169,0 см)... (8) Валовой внутренний продукт (ВВП) на душу населения вырос с 971 до 1488 долларов США в 1990 г. по паритету покупательной способности рубля. (9) Средняя продолжительность жизни увеличилась на 7 лет (с 27 до 34)... (10) Средняя грамотность населения в возрасте 10 лет и старше повысилась с 17 до 43%... (11) Индекс человеческого развития (ИЧР) увеличился с 0,171 до 0,308... (12) Широко распространенное мнение о росте материального неравенства, достигшего к 1917 г. огромных размеров, не подтверждается эмпирически...» [Миронов, 2019: 17–19].

Б. Н. Миронов дважды повторяет этот перечень (на с. 18–19 и 72–73). Тезис об «экономическом чуде» — это отправной пункт всех дальнейших построений Миронова, поэтому необходимо разобраться, откуда берутся эти цифры, каким образом они получены автором. Начнем по порядку.

(1) «Увеличение с 1850-х по 1911–1913 гг. реальной поденной платы сельскохозяйственного рабочего в 3,8 раза, промышленных рабочих — в 1,4 раза».

Мое возражение: «Увеличение реальной платы сельскохозяйственных рабочих в 3,8 раза — это не самом деле

не «реальная плата», это рост оплаты в «номинальных копейках» [Миронов, 2012: 429], то есть без учета инфляции... Известный исследователь С. Уиткрофт подсчитал настоящую реальную плату — количество ржи, которую мог купить работник на дневную оплату в период сева. Получаются следующие цифры: в 1885–1889 гг. — 10,4 кг, в 1895–1899 гг. — 14,6 кг, в 1909–1910 гг. — 9,5 кг, в 1909–1913 гг. — 11,5 кг. [Wheatcroft, 1991: 148]. Как можно заметить, в действительности роста реальной заработной платы сельскохозяйственных рабочих не наблюдалось, а по сравнению с 1895–1899 гг. имела тенденция к понижению» [Нефедов и др., 2022: 25].

Ответ Миронова: «В моей книге речь идет о повышении номинальной зарплаты в 50 губерниях Европейской России с 1850-х до 1911–1913 гг. в 3,8 раза. «Потребительские цены за анализируемый период повысились в 2,4 раза [Струмилин, 1967: 82], значит, реальная среднегодовая зарплата сельскохозяйственных рабочих мужского пола увеличилась в 1,6 раза. Однако критик оценивает инфляцию другим способом — по количеству килограммов ржи, которое можно купить на дневную оплату в период сева с 1885–1889 гг. по 1909–1913 гг. В силу этого в его оценке, с точки зрения статистики, пять ошибок:

1. В монографии взят период в 57 лет (1850-е — 1911–1913 гг.), у Нефедова — 25 лет (1885–1889–1909–1913 гг.).
2. Учтено 50 губерний Европейской России, у Нефедова непонятно, о какой территории идет речь.
3. У меня среднегодовая зарплата, у Нефедова оплата в период сева.

4. Я брал рабочих-мужчин, у Нефедова непонятно кто (замечу, женский труд оплачивался в 1,6 раза ниже).

5. Главное — в книге инфляция оценивается принятым в современной экономической науке способом, Нефедов использует устаревший способ, который не дает надежных результатов. Реальная зарплата российских рабочих с 1880-х по 1911–1913 гг. выросла скромнее — в 1,25 раза» [Миронов, 2022: 42].

Таким образом, Миронов признает, что в действительности речь идет о повышении в 3,8 раза не реальной, а номинальной заработной платы. Далее он пытается исправить ошибку, используя данные Струмилина о росте потребительских цен. Но на с. 82 книги Струмилина указан индекс потребительских цен в Петербурге, а Миронов переносит его на сельские местности всей России. Это неправомерно хотя бы потому, что в петербургский индекс включены цены на аренду жилья. Поскольку индекса потребительских цен для сельской местности не существует, то специалисты традиционно переводят поденную плату в количество основного потребительского товара, который можно было бы купить на эту плату — то есть ржи. Так и поступил С. Уиткрофт.

Ответим на возражения Миронова по пунктам:

1. Период, начиная с 1880-х гг., используется С. Уиткрофтом потому, что для более раннего периода массовые данные о заработной плате сельскохозяйственных рабочих отсутствуют. Миронов [Миронов, 2012: 429] приводит данные за 1850-е гг. и 1870-е гг., ссылаясь на работу Струмилина [Струмилин, 1963: 276], однако в действительности у Струмилина таких данных нет.

2. У Миронова учтены не 50 губерний Европейской России. Данные за 1850-е гг. указаны только для 11 губерний, и они сравниваются с позднейшими данными для 50 губерний, что неправомерно.

3. У Уиткрофта указана также зарплата в период жатвы — достаточно пройти по ссылке.

4. Слово «работник» подразумевает работника-мужчину.

5. Миронов использует не «принятый в современной науке способ», а как отмечалось выше, подменяет данные

по сельской России данными по Петербургу. Однако главная ошибка Миронова состоит в том, что он путает С. Уиткрофта с С. А. Нефедовым.

Вернемся теперь к утверждению Миронова о том, что реальная оплата промышленных рабочих увеличилась с 1850-х по 1911–1913 гг. в 1,4 раза. Здесь также дается ссылка на [Миронов, 2012: 429], но там указан рост в 1,4 раза не реальной, а номинальной оплаты. Кроме того, для данных 1850-х–1880-х гг. дается примечание: «Оценка по индексу номинальной зарплаты рабочих в С.-Петербурге». То есть на самом деле речь идет не о росте реальной оплаты всех российских рабочих, а о росте номинальной оплаты рабочих Петербурга. Что же касается реальной оплаты, то из той таблицы, на которую ссылается Миронов [Струмилин, 1967: 82] видно, что реальная оплата строительных рабочих Петербурга в 1857–1861 гг. была такой же, как в 1909–1913 гг., за полвека она не увеличилась.

Перейдем к следующему пункту: (2): Повышение с 1885 по 1913 г. производства потребительских товаров и оборота внутренней торговли на душу населения в постоянных ценах — в 1,7 раза...

Мое возражение: «Это повышение было, конечно, чисто формальной статистической аберрацией, поскольку практически не имелось сведений об объеме ремесленного производства и реализации товаров на местных рынках» [Нефедов и др., 2022: 25].

Ответ Миронова: «Увеличение оборота торговли и величины потребления на душу населения является важным и надежным показателем реального роста уровня жизни широких слоев населения. Но по Нефедову они ненадежны, поскольку якобы не учитывают ремесленное производство и реализацию товаров на местных рынках. При расчете товарооборота приняты во внимание все торговые заведения, а также ярмарочная, базарная и разносная торговля, в силу чего все товары местных рынков, включая ремесленные, учтены. За 1885–1913 гг. оборот вырос в постоянных ценах в 1,7 раза [Струмилин, 1979: 444]. Известный статистик В. Е. Варзар рассчитал индекс физического объема потребления СССР за 1887–1913 гг.: душевое потребление в ценах 1913 г. увеличилось в 1,4 раза [Варзар, 1928]» [Миронов, 2022: 42].

Миронов утверждает, что при расчете товарооборота учтена также «ярмарочная, базарная и разносная торговля». Однако, если пройти по указанной им ссылке на работу Струмилина, то на следующей странице можно прочитать: «В вышеприведенных итогах вовсе не учтены ярмарочные и базарные торговые обороты».

Относительно «повышения с 1885 по 1913 г. производства потребительских товаров... на душу населения в постоянных ценах в 1,7 раза» Миронов теперь пишет, что душевое потребление увеличилось не в 1,7, а в 1,4 раза. Впрочем, в действительности вычисления по указанному в ссылке источнику дает увеличение потребления в 1,28 раза. Но главное состоит в том, что Варзар (как и Грегори) использовал дефектные урожайные данные 1880-х гг., поэтому его оценка не является корректной.

Перейдем к следующему пункту. (3) «Увеличение между 1886–1890 и 1911–1913 гг. количества зерна, оставляемого крестьянами для собственного потребления, на 34%».

Мое возражение: «В этом месте Миронов ссылается на таблицу 11.6 в [Миронов, 2012: 439]; под таблицей имеется пояснение: «Подсчитано по: Грегори П. Экономический рост Российской империи... С. 36, 37, 138». На с. 36 книги Грегори читаем: «Между 1885–1889 и 1897–1913 гг. стоимость зерна, оставленного крестьянами для собственного потребления, в постоянных ценах возросла на 51%, тогда как сельское на-

селение увеличилось на 17%» [Грегори, 2003: 36]. 51–17=34? Но это не так и важно, важен метод, которым получены цифры Грегори. Дело в том, что П. Грегори сравнивал заведомо несопоставимые величины. В основе его вычислений лежали официальные данные Центрального статистического комитета (ЦСК) об урожаях в 1885–1889 и 1897–1901 гг. Эти данные несопоставимы, так как в промежуток между этими датами, — в 1893 г. — были изменены методы определения урожайности и посевных площадей. Исправляя эти и другие погрешности в сложных расчетах Грегори, можно показать, в действительности объем «оставляемого в хозяйствах зерна» в расчете на душу населения существенно уменьшился [Нефедов, 2017]» [Нефедов и др., 2022: 26].

Ответ Миронова: «С выводом о росте потребления коррелирует увеличение на треть количества зерна, оставляемого крестьянами для собственного потребления, между 1886–1890 и 1911–1913 гг. Нефедов их надежность также отвергает по причине несопоставимости: якобы в 1893 г. изменились методы определения урожайности и посевных площадей. На самом деле «реформа» урожайной статистики 1893 г. состояла лишь в том, что озимые и яровые хлеба стали учитываться раздельно, а данные о посевных площадях стали собираться ежегодно, в то время как ранее — один раз в несколько лет [Массовые источники, 1979: 247–249]» [Миронов, 2022: 42].

Здесь мы возвращаемся «на круги своя». Миронов отрицает изменения в урожайной статистике в 1893 г. Он попросту игнорирует указание специалистов ЦСК о том, что урожайные данные 1880-х гг. «страдали крайней недостоверностью». Что касается ссылки на «Массовые источники», то там не говорится, что «реформа урожайной статистики 1893 г. состояла лишь в том, что озимые и яровые хлеба стали учитываться раздельно».

Перейдем к следующему пункту. (4) «Уменьшение числа рабочих дней в году у крестьян со 135 в 1850-е гг. до 107 в 1902 г...»

Мое возражение: «Уменьшение числа рабочих дней, помимо того, что источники по этой теме носят фрагментарный и случайный характер, может объясняться скрытой безработицей — следствием нарастающего малоземелья» [Нефедов и др., 2022: 26].

Миронов оставил это возражение без ответа.

Следующий пункт: (5) «Массовая скупка земли крестьянами. За 1862–1910 гг. крестьяне купили 24,5 млн. дес. земли, заплатив за нее огромные деньги — 971 млн. руб.»

Мое возражение: «Крестьяне не уплатили упомянутые Мироновым 971 млн. руб.: они покупали землю в рассрочку, и должны были рассчитываться десятки лет. А. М. Анфимов подсчитал, что крестьяне, покупавшие в Ливенском уезде Орловской губернии хутора в 12 дес., должны были для уплаты процентов по кредиту продавать каждый год, по меньшей мере, половину урожая [Анфимов, 2002, 144]» [Нефедов и др., 2022: 26].

Ответ Миронова: «Согласно Нефедову, массовая скупка земли крестьянами имеет «лишь косвенное отношение» к уровню жизни, земля-де покупалась в кредит. На самом деле — прямое: проценты нужно выплачивать, а для этого доходы должны существенно вырасти. За 27 млн га земли, купленной крестьянами в 1862–1910 гг., даже проценты представляли огромную сумму, и они ее заработали» [Миронов, 2022: 42–43].

Факт, однако, состоит в том, что крестьяне не уплатили 971 млн. руб., как утверждает Миронов. Что до уплаты процентов, то для их оплаты крестьяне продавали половину урожая, это равносильно распространенной во многих местностях испольной аренде.

Следующий пункт: (6) «Увеличение вкладов россиян в государственных сберегательных кассах — самом популярном банке в России. В 50 губерниях Европейской России с 1865–1869 по 1909–1913 гг. число вкладчиков увеличилось в 159 раз, на 1000 жителей — в 82 раза, величина вклада на одного вкладчика — в 2,7 раза...»

Мое возражение: «Увеличение вкладов в государственных сберегательных кассах было следствием расширения сети сберкасс, которых прежде на селе вообще не было» [Нефедов и др., 2022: 26].

Ответ Миронова: «Нефедов считает увеличение вкладов следствием расширения сети сберкасс. На самом деле рост доходов населения стимулировал открытие новых касс, так как увеличение числа касс опережало потребности населения. В 1863–1873 гг. Госбанк учредил 27 касс в городах, но они не открылись, а 14 касс, учрежденных ранее, были закрыты "по ненадобности для местного населения". Все эти кассы начали работать спустя 12–20 лет, в 1885 г. В сельской местности в 1884–1885 гг. Госбанк разрешил открыть 326 касс. Фактически открылись 160. Из них две не начали операций "за невякою вкладчиков"...» [Миронов, 2022: 42].

Вопрос о расширении сети сберегательных касс в деталях рассматривался компетентными специалистами ЦСК, привлеченными «Комиссией 1901 года». Вердикт был следующим: «Едва ли осторожно было бы какое-либо решительное заключение о благосостоянии сельского населения на основании данных о движении вкладов в сберегательных кассах. Невозможность выделить вклады, сделанные собственно крестьянами, зависимость размера вкладов от числа касс и близости их к населению, наконец, то обстоятельство, что кассы (как это видно из значительного размера вкладов на одно лицо) служат не столько массе населения, сколько верхним по достатку его слоям — все это приводит к заключению, что данные... не могут служить прочным основанием о движении благосостояния населения» [Материалы, 1903: 265].

Действительно, при рассмотрении конкретной динамики вкладов сельского населения черноземных губерний можно заметить, что в 1898–1914 гг. вклады увеличились в 30–38 раз (!). Притом, например, в Рязанской губернии сумма вкладов была вдвое выше, чем в Воронежской губернии [Давыдов, 2016: 1036]. Следует ли отсюда, что в Рязанской губернии уровень жизни был вдвое выше? Можно ли использовать такие материалы для оценки благосостояния населения? Разумеется, нет; эти материалы говорят лишь о том, что прежде зажиточные крестьяне хранили свои деньги за иконой, а теперь соблазнились возможностью получать небольшой процент за хранение в кассе. Причем в Рязанской губернии агитация в этом направлении, очевидно, была поставлена лучше, чем в Воронежской губернии.

Перейдем к следующему пункту. (7) «Существенное и систематическое увеличение конечной (т. е. при достижении полной физической зрелости) длины тела мужчин за 1791–1915 гг. на 7,7 см (с 161,3 до 169,0 см)...»

Мое возражение: «Данные о росте новобранцев в России имеются с XVIII в., но ввиду изменений требований к призывникам сопоставимыми являются только данные за 1874–1912 гг. Проверке соответствующих расчетов Миронова была посвящена работа С. А. Нефедова и М. Элмана, которые показали, что Миронов не учел изменения методики учета данных призывных комиссий, что в действительности рост новобранцев уменьшался [Nefedov, Ellman, 2016]» [Нефедов и др., 2022: 26].

Ответ Миронова: Уровень потребления можно оценить и по данным о росте (длине тела), весе и индексе массы тела — в медицине и антропологии они рассматриваются в качестве

показателей биологического статуса населения. Согласно расчетам, в пореформенный период они повышались. Например, финальный рост мужчин, родившихся 1911–1915 гг., был на 5,1 см выше, чем у родившихся в 1861–1865 гг. (169 см против 163,9 см). Нефедов оспаривает этот вывод: данные о росте новобранцев в России ввиду изменений требований являются сопоставимыми только за 1874–1912 гг., но и в течение этого периода изменилась методика учета длины тела, ввиду чего в действительности рост новобранцев уменьшался. Эти утверждения не соответствуют фактам. До введения всесословной воинской повинности в 1874 г. требования к росту новобранцев менялись, как правило, в сторону понижения, что делало данные за разные годы не вполне сопоставимыми. Но в современной исторической антропометрии эта проблема успешно решается с помощью метода максимального правдоподобия, для его применения разработана специальная компьютерная программа. Метод унифицирует выборки за разные годы, делая их однородными и сопоставимыми. Эта стандартная методика обработки ростовых данных, принятая в мировой антропометрии, подробно объяснена [Миронов, 2012: 98–108]. Надуманным является и утверждение об изменении в 1890 г. методики учета призывными комиссиями данных о длине тела. Управление по делам о воинской повинности слегка изменило форму представления годового отчета воинских присутствий, сохранив прежнюю методику. Отсутствие в указе пояснений и объяснений привело присутствия к выводу, что все остается по-прежнему, и они долгое время сохраняли даже форму представления отчета. И были правы. Само Управление по делам о воинской повинности в ретроспективных сводках сведений о росте указывало единые ростовые интервалы, установленные в 1874 г., для всего периода 1874–1913 гг... В ежегодных отчетах Военного министерства также указывались единые ростовые интервалы для всего периода 1874–1912 гг.... Наконец, ошибочно думать, что любое изменение методики учета ростовых данных воздействует на динамику длины тела. Изменение может повлиять только на абсолютную величину длины тела в последующие годы после реформы, а ее динамика все равно остается той же, в нашем случае рост новобранцев, призванных в 1890–1912 гг., увеличивался [Миронов, 2022: 43–44].

Прежде всего, нужно отметить, что используемый Мироновым метод максимального правдоподобия еще недостаточно апробирован и имеет существенные ограничения по характеру начальных данных. О возможных ошибках при использовании этого метода говорит пример, касающийся роста новобранцев Одессы 1891 года рождения. Учтя социальный состав, национальность и другие параметры, Миронов дал значение «истинного роста» на 12,3 см меньшее, чем рост новобранцев, родившихся в 1890 г. [Миронов, 2010: 771–772].

Вопрос о изменении формы отчета подробно рассмотрен в цитированной мной работе [Nefedov, Ellman, 2016]. Утверждение Миронова о том, что Управление по делам о воинской повинности, изменив форму представления годового отчета воинских присутствий, «сохранило прежнюю методику», является голословным.

Форма этого отчета приведена в утвержденной в 1874 г. «Инструкции о порядке делопроизводства в присутствиях по воинской повинности». Пункт «11. И» этой формы указывал, что «Из числа принятых заключается мерою роста:

в 2 аршина 2½ вершка — ...
в 2 аршина 3 вершка — ...
в 2 аршина 4 вершка — ...
в 2 аршина 5 вершков — ...»
...

и так далее, указывалось количество призывников в каждой ростовой группе³.

Эта форма допускала различные толкования: каким образом приписывать рекрутов к той или иной ростовой группе? Миронов уверяет (без ссылок на источники), что при включении в ростовую группу чиновники округляли рост рекрута до ближайшего целого числа вершков [Миронов, 2010: 176]. Однако Д. Н. Анучин, работавший с материалами воинских присутствий до 1890 г., утверждал, что в то время при включении в ростовую группу чиновники просто отбрасывали дробную часть вершков, то есть, например, в третью группу «2 аршина 4 вершка» попадали рекруты ростом от 2 аршин 4 вершков включительно до 2 аршин 5 вершков [Анучин, 1889: 75]. Это утверждение Д. Н. Анучина подтверждается материалами других авторов [см.: Nefedov, Ellman, 2016].

В 1890 г. была введена новая форма отчета воинских присутствий⁴. В этой форме ростовые данные приводились следующим образом: «В числе принятых заключалось мерою роста:

1) в 2 аршина 2½ вершка — ...
до 2 аршин 3 вершков включительно — ...
до 2 аршин 4 вершков включительно — ...
до 2 аршин 5 вершков включительно — ...»

...

Новая форма отчета не допускала двусмысленности и не требовала комментария в инструкциях. Это означало, что в третью группу теперь входят рекруты с ростом от 2 аршин 3 вершков до 2 аршин 4 вершков, в четвертую — с ростом от 2 аршин 4 вершков до 2 аршин 5 вершков и т. д. Рост рекрутов в каждой группе уменьшился на один вершок. Однако Миронов проигнорировал это изменение, что привело к завышению роста рекрутов в его расчетах. По-видимому, это связано с тем, что первоначально Миронов пользовался вторичными данными цитированных им в ответе статистических сборников. Эти сборники пренебрегали изменениями в форме первичной документации.

Что касается увеличения роста новобранцев после 1890 г., то этот рост происходил из-за того, что как отмечает Миронов, некоторые присутствия по воинской повинности продолжали использовать старую форму представления отчета и разнородные данные перемешивались между собой. Когда все присутствия перешли на новую форму, рост практически прекратился. В 1902–1906 гг. средний рост новобранцев составлял 165,1 см, в 1907–1911 г. — 165,3 см, значительно меньше, чем в 1877–1881 гг. (166,2 см) [Nefedov, Ellman, 2016: 162].

Перейдем к следующему пункту. (8) Валовой внутренний продукт (ВВП) на душу населения вырос с 971 до 1488 долларов США в 1990 г. по паритету покупательной способности рубля.

Мое возражение: Что касается роста «валового внутреннего продукта», то для сколько-нибудь достоверной оценки ВВП в XIX в. не имеется необходимых статистических данных (нет данных о ремесленном производстве, до 1893 г. нет достоверных данных об урожаях и т.д.). Кроме того, рост ВВП может наблюдаться и при понижении уровня жизни (как было, например, в СССР в 1930-х гг.) [Нефедов и др., 2022: 26].

Миронов не ответил на это возражение.

Перейдем к следующему пункту. (9) Средняя продолжительность жизни увеличилась на 7 лет (с 27 до 34)...

Мое возражение: «Средняя продолжительность жизни действительно росла, но это было следствием успехов ме-

³ Сборник циркуляров и инструкций Министерства внутренних дел за 1874 год. СПб., 1875. 567 с. С. 468

⁴ Сборник циркуляров Министерства внутренних дел по вопросам воинской, военно-конской и военно-повозочной повинности. 1874–1900 гг. СПб., 1901. 499с. С.165–174

дицины и сокращения младенческой смертности. Средняя продолжительность жизни может расти и при уменьшении потребления, что имело место в 1960-х гг. в некоторых развивающихся странах» [Нефедов и др., 2022: 26].

Ответ Миронова: «Подтверждением роста биологического статуса населения можно считать повышение средней продолжительности жизни. Диспутант относит это на счет успехов медицины. С этим трудно вполне согласиться. В статье [Нефедов, 2009: 155–162] оппонент показал, что в XIX в. господствовала "мальтузианская связь между потреблением и демографическими показателями": потребление растет, смертность падает, и наоборот. Эта корреляция стала уменьшаться в 1910-е гг. и позже, в 1920–1930-е гг... Поскольку тенденция к уменьшению смертности наметилась в 1860-х гг., то ее уменьшение до начала XX в. скорее всего объяснялось именно ростом потребления и уровня жизни» [Миронов, 2022: 44].

На это можно ответить, что на данный момент Миронов еще не доказал гипотезу о росте потребления и уровня жизни. Перечисленные выше и обсуждаемые здесь 12 пунктов как раз являются попыткой доказательства этой гипотезы, но каждый из этих пунктов встречает возражения.

Перейдем к следующему пункту. (10) Средняя грамотность населения в возрасте 10 лет и старше повысилась с 17 до 43%...

Мое возражение: «Рост средней грамотности также не является признаком существенного повышения уровня жизни; примером в данном случае также может послужить советская индустриализация» [Нефедов и др., 2022: 26].

Миронов не ответил на это возражение.

Перейдем к следующему пункту. (11) Индекс человеческого развития (ИЧР) увеличился с 0,171 до 0,308...

Мое возражение: «Индекс человеческого развития» не является самостоятельным показателем; это композиция показателей (9) и (10), о которых говорилось выше» [Нефедов и др., 2022: 26].

Миронов не ответил на это возражение.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Анучин Д. Н. О географическом распределении роста мужского населения России (по данным о всеобщей воинской повинности в империи за 1874–1883 гг.) сравнительно с распределением роста в других странах // Записки Императорского Русского географического общества по отделению статистики. 1889. Т. VII. Вып. 1. 185 с.
2. Анфимов А. М. П. А. Столыпин и российское крестьянство. М., 2002. 300 с.
3. Варзар В. Е. Индекс физического объема потребления СССР за сорок лет (1928). URL: http://www.dcenter.ru/science/Varzar_1928.pdf (дата обращения: 06.09.20).
4. Грегори П. Экономический рост Российской империи (конец XIX – начало XX в.): Новые подсчеты и оценки. М., 2003. 255 с.
5. Давыдов М. А. Двадцать лет до Великой войны. Российская модернизация Витте-Столыпина. СПб., 2016. 1080 с.
6. Иванцов Д. И. К критике русской урожайной статистики. Пг., 1915. 178 с.
7. Камынин В. Д., Запарий В. В. «Оптимисты» и «пессимисты» о причинах русской революции // История и современное мировоззрение. 2019. № 4. С. 85–99.
8. Миронов Б. Н. Благополучие населения и революции в имперской России: XVIII – начало XX века. М., 2010. 911 с.
9. Миронов Б. Н. Благополучие населения и революции в имперской России: XVIII – начало XX века. 2-е издание. М., 2012. 844 с.
10. Миронов Б. Н. Российская модернизация и революция. СПб., 2019. 528 с.
11. Миронов Б. Н. Священные факты, мнения свободны // Социологические исследования. 2022. № 3. С. 40–46.
12. Нефедов С. А. О связи демографических показателей и потребления в России конца XIX – начала XX века // Российская история. 2009. № 2. С. 155–162.

Перейдем к следующему пункту. (12) Широко распространенное мнение о росте материального неравенства, достигшего к 1917 г. огромных размеров, не подтверждается эмпирически...»

Мое возражение: «Что касается расчетов Б. Н. Миронова, касающихся величины имущественного неравенства ("децильного коэффициента") в России, то Г. М. Ханин показал, что эти расчеты неверны, что на самом деле имущественное неравенство в России было намного больше, чем считает Миронов [Ханин, 2010]» [Нефедов и др., 2022: 26].

Миронов не ответил на это возражение.

ВЫВОДЫ

В итоге, можно констатировать, что сформулированные Мироновым 12 признаков существенного повышения уровня жизни в России конца XIX – начала XX в. не являются безусловными свидетельствами действительного улучшения экономического положения основной массы населения. Миронов не стал отвечать на возражения, возникшие при обсуждении 4, 8, 10, 11, 12 признаков. При обсуждении вопроса о росте реальной заработной платы (пункт 1) Миронову пришлось признать, что он перепутал данные о номинальной и реальной плате, а попытки исправить ошибку закончились неудачей. При обсуждении вопроса о повышении производства потребительских товаров и оборота внутренней торговли (пункт 2) Миронов привел неверную ссылку на работу Струмилина (который писал прямо противоположное утверждениям Миронова). При обсуждении других пунктов выявилась дефектность используемых Мироновым статистических источников. В частности, вслед за П. Грегори Миронов опирался на урожайные данные 1860–1880-х гг., которые обрабатывавшие их специалисты ЦСК считали «совершенно гадательными» или «страдающими крайней недостоверностью».

REFERENCES:

1. Anuchin D.N. On the geographical distribution of the growth of the male population of Russia (according to data on compulsory military service in the empire for 1874–1883) compared with the distribution of growth in other countries. Notes of the Imperial Russian Geographical Society for the Department of Statistics. 1889. Vol. VII. Issue 1. 185 p.
2. Anfimov A. M. P. A. Stolypin and the Russian peasantry. M., 2002. 300 p.
3. Varzar V. E. The index of the physical volume of consumption of the USSR for forty years (1928). URL: http://www.dcenter.ru/science/Varzar_1928.pdf (date of access: 06.09.20).
4. Gregory P. Economic growth of the Russian Empire (late XIX – early XX century): New calculations and estimates. M., 2003. 255 p.
5. Davydov M.A. Twenty years before the Great War. Russian modernization of Witte-Stolypin. SPb., 2016. 1080 p.
6. Ivantsov D. I. Towards a Criticism of Russian Harvest Statistics. Pg., 1915. 178 p.
7. Kamynin V. D., Zaparyi V. V. «Optimists» and «pessimists» about the causes of the Russian revolution. History and modern outlook. 2019. No. 4. Pp. 85–99.
8. Mironov B.N. Welfare of the population and revolution in imperial Russia: XVIII – early XX century. M., 2010. 911 p.
9. Mironov B. N. Welfare of the population and revolution in imperial Russia: XVIII – early XX centuries. 2nd edition. M., 2012. 844 p.
10. Mironov B. N. Russian modernization and revolution. St. Petersburg, 2019. 528 p.
11. Mironov B. N. Facts are sacred, opinions are free. Sociological studies. 2022. No. 3. Pp. 40–46.
12. Nefedov S.A. On the relationship between demographic indicators and consumption in Russia at the end of the 19th – beginning of the 20th century. Russian History. 2009. No. 2. Pp. 155–162.

13. Неведов С. А., Россия: из прошлого в будущее / С. А. Неведов, Н. С. Розов, Д. В. Трубицын, Н. В. Романовский // Социологические исследования. 2022. № 3. С. 24–39.
14. Струмилин С. Г. Избранные произведения: В 5 т. Т. 3. Проблемы экономики труда. М., 1963. 527 с.
15. Струмилин С. Г. Очерки экономической истории России и СССР. М., 1967. 514 с.
16. Ханин Г. И. Какова была социальная дифференциация в дореволюционной России? // Идеи и идеалы. 2010. № 2. С. 64–72.
17. Gregory P. Economic Growth and Structural Change in Tsarist Russia: A Case of Modern Economic Growth? // Soviet Studies. 1972. Vol. 23. No. 3. Pp. 418–434.
18. Nefedov S., Ellman M. The Development of Living Standards in Russia Before the First World War: An Examination of the Anthropometric Data // Revolutionary Russia. 2016. Vol. 29. Issue 2. Pp. 149–168.
19. Wheatcroft S. Crises and the Condition of the Peasantry in Late Imperial Russia // Peasant Economy, Culture and Politics of European Russia / Ed. by E. Kingston-Mann and T. Mixter Princeton: Princeton University Press, 1991. Pp. 128–172.
13. Nefedov S. A., Russia: from the past to the future / S. A. Nefedov, N. S. Rozov, D. V. Trubitsyn, N. V. Romanovsky. Sociological Studies. 2022. No. 3. Pp. 24–39.
14. Strumilin S. G. Selected works: In 5 volumes. T. 3. Problems of labor economics. M., 1963. 527 p.
15. Strumilin S. G. Essays on the economic history of Russia and the USSR. M., 1967. 514 p.
16. Khanin G. I. What was the social differentiation in pre-revolutionary Russia? // Ideas and ideals. 2010. No. 2. pp. 64–72.
17. Gregory P. Economic Growth and Structural Change in Tsarist Russia: A Case of Modern Economic Growth? // Soviet Studies. 1972. Vol. 23. No. 3. Pp. 418–434.
18. Nefedov S., Ellman M. The Development of Living Standards in Russia Before the First World War: An Examination of the Anthropometric Data // Revolutionary Russia. 2016. Vol. 29. Issue 2. Pp. 149–168.
19. Wheatcroft S. Crises and the Condition of the Peasantry in Late Imperial Russia // Peasant Economy, Culture and Politics of European Russia / Ed. by E. Kingston-Mann and T. Mixter Princeton: Princeton University Press, 1991. Pp. 128–172.

Статья проверена программой «Антиплагиат». Оригинальность – 72%.

Рецензент: Запарий В. В., доктор исторических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы РФ, профессор кафедры истории России, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (УрФУ)

Статья поступила в редакцию 05.08.2022, принята к публикации 25.08.2022

The article was received on 05.08.2022, accepted for publication 25.08.2022

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Неведов Сергей Александрович, доктор исторических наук, доцент, главный научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН, г. Екатеринбург, Российская Федерация, Researcher ID: Q-1642-2015; Scopus ID: 40861593700; SPIN-код: 9830-0926, e-mail: hist1@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Sergey A. Nefedov, Dr. Sci. (Hist.), Associate Professor, Chief Researcher, Institute of History and Archeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russian Federation, Researcher ID: Q-1642-2015; Scopus ID: 40861593700; SPIN-code: 9830-0926, e-mail: hist1@yandex.ru